

О. А. ПАРФЕНОВА

КЛЮЧЕВЫЕ АГЕНТЫ ЗАБОТЫ О ПОЖИЛЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Старение населения, нуклеаризация семей, и, как следствие — рост числа одиноких пожилых людей стимулировали развитие социальной политики и появление новых агентов заботы о пожилых в современной России. Помимо традиционного агента — семьи, появились государственные социальные сервисы и НКО/бизнес-организации. Для анализа современного поля заботы были использованы материалы наших исследований 2011–2014 и 2017–2018 гг. (интервью с пожилыми людьми, представителями государственных социальных сервисов, официальные документы различных уровней) и публикации других исследователей. Внутрисемейная забота о пожилым человеке часто является вынужденной мерой, хотя и «культурно одобряемой». Новой формой «квазисемейной» заботы является активно развивающийся институт «приемных семей» для пожилых. Другой крупный агент заботы — государственные социальные сервисы. Основные сложности в их работе с пожилыми, согласно нашим данным, связаны с довольно бюрократизированным, ограниченным и негибким форматом оказания услуг. Такой формат способен удовлетворять какую-то часть базовых потребностей пожилого человека, но практически не позволяет самому пожилому человеку быть агентом в организации заботы о себе. На социального работника в этом случае ложится слишком большая эмоциональная и физическая нагрузка. Альтернативой государственным сервисам являются НКО/бизнес-организации, предлагающие более широкий и гибкий спектр услуг. Однако здесь мы сталкиваемся сразу с несколькими проблемами: проблема доступа (как правило, они работают только в крупных городах-миллионниках); слишком высокая стоимость услуг. В случае, когда бизнес-организация или НКО/бизнес-организации включены в реестр поставщиков социальных услуг и могут предложить свои услуги по ценам, сопоставимым с государственными сервисами, возникает проблема слабой информированности/недоверия/настороженности со стороны пожилых людей, которые воспроизводят логику «государственное» значит «надежное». На практике забота нередко имеет «слоеный» характер, поскольку у пожилого человека и его родственников появилась возможность выбирать формат заботы, «миксовать» разных агентов и практики.

Ключевые слова: старение; нуклеаризация; забота; социальное обслуживание; социальные сервисы; НКО и бизнес-организации как агенты заботы.

* Статья написана на основе доклада «Семья, социальные сервисы и НКО/бизнес-организации как ключевые агенты заботы о пожилых: конфликты, противоречия и точки роста», представленного 28 марта 2019 г. на Всероссийской научной конференции XI Социологические чтения памяти В. Б. Голофафа «Семья в современном мире».

PARFENOVA OKSANA A.

THE KEY AGENTS OF CARE FOR OLDER PEOPLE IN MODERN RUSSIA

The aging population, the nuclearization of families, and, as a result, the growing number of single elderly people have stimulated the development of social policy and the emergence of new agents of older people care in modern Russia. In addition to the traditional agent — the family, state social services and NGOs/business organizations have appeared. To analyze their activities, we used materials from our studies of 2011–2014 and 2017–2018 (interviews with older people, representatives of state social services, official documents of various levels) and publications of other researchers. Intra-family care for an old person is often a necessary measure, albeit a “culturally approved one”. A new form of “quasi-family” care is an actively developing institution of “foster families” for the elderly. Another major agent of care is state social services. The main difficulties in their work with the elderly, according to our data, are associated with a rather bureaucratic, limited and inflexible format of service provision. Such a format is able to satisfy some part of the basic needs of an elderly person, but practically does not allow the most elderly person to be an agent in organizing self-care. In this case, too much emotional and physical stress falls on social workers. An alternative to public services are NPOs/business organizations offering a wider and more flexible range of services. However, here we encounter several problems at once: the problem of access (as a rule, they only work in large cities with a population of over one million); too high cost of services. In the case when a business organization or NPO is included in the register of social service providers and can offer their services at prices comparable to government services, there is a problem of poor awareness/mistrust/alertness on the part of older people who reproduce the logic “state” means “reliable”.

Keywords: aging; nuclearization; care; social care; public services; NGOs and business organizations as agents of care.

Введение

Старение — это устойчивый тренд большинства развитых и многих развивающихся стран. Россия в данном случае не является исключением. Доля пожилых в нашей стране растет и на сегодняшний день число людей в возрасте «60+» составляет примерно 20% от общей численности населения и по прогнозам к 2030 г. увеличится до 24% (Global AgeWatch Index 2015). Старение населения сопряжено с двумя другими важными тенденциями — нуклеаризацией семей и низкими показателями здоровья пожилых. Нуклеаризация поддерживается внутренней миграцией молодого поколения из сельской местности

в крупные города и стремлением к раздельному проживанию разных поколений городских семей. Кроме того, «неравновесность» поколений с преобладанием людей более старшего возраста в России на сегодняшний день сигнализирует о том, что уход за пожилыми родственниками сложно осуществлять силами только членов семьи, без помощи государства и бизнеса (Елисеева 2017). Если рассматривать показатели здоровья пожилого населения, то можно обнаружить, что у нашей страны эти показатели одни из самых низких (86 место из 96 сравниваемых стран) (Global AgeWatch Index 2015). Это отражается на относительно невысоких (особенно у мужчин) по сравнению с развитыми странами показателях средней продолжительности жизни. Кроме того, средняя продолжительность жизни сельского населения ниже, чем городского: в городе она составляет 77,1 лет для женщин и 66,4 года для мужчин, а в сельской местности 75,6 и 64,7 лет соответственно (Росстат... 2016). Все это приводит к тому, что пожилому, одиноко проживающему человеку требуется посторонняя помощь/забота. В этом случае вопрос о том, кто и на каких условиях должен заботиться о пожилых маломобильных родственниках, приобретает особую актуальность. В официальном дискурсе в отношении пожилых, как правило, используются слова «обслуживание», «обеспечение», «уход» и др. Мы в своем исследовании используем категорию «забота» (по аналогии с *care*), поскольку она более полно и адекватно отражает различные сценарии помощи пожилым.

В настоящей статье мы выделяем и анализируем три ключевых агента заботы в современной России — семья, государственные сервисы и НКО/бизнес-организации. В европейских странах распределение практик заботы о пожилым человеке между государством, семьей и третьим сектором носит устойчивый характер. Исследователи отмечают, что хорошее материальное положение повышает уровень самостоятельности пожилого человека, а «сплоченность» семьи, характерная для южных регионов Европы, способствует неформальной помощи и внутрисемейной заботе. (Bettio, Plantenga 2004). В странах северной Европы, где традиционно более выражены форматы «холодной институциональной» заботы исследователи отмечают тенденцию «маркетизации» заботы — государственные сервисы становятся платными и активно развиваются частные контракты, в пользу которых делают выбор состоятельные пожилые люди. Кроме того, получает более широкое распространение внутрисемейная забота (*re-familization*). По мнению исследователей это ставит под удар потенциал классового

и гендерного равенства в скандинавских «государствах благосостояния» (Moberg 2017; Szebehely, Meagher 2018).

В отечественном контексте семья традиционно воспринималась и воспринимается как ключевой агент заботы. Сегодня, несмотря на отсутствие данных о количестве семей, осуществляющих заботу о близком пожилом родственнике, можно предположить, что это является наиболее массовой формой организации заботы в современной России. Государственные социальные сервисы являются самой массовой формой государственной заботы о пожилых. НКО/бизнес-организации, несмотря на свою относительно небольшую распространенность и статус новичка в поле социальной заботы, воплощают важную тенденцию «разгосударствления» заботы.

Методология и теоретическая рамка

Исследование выполнено в русле качественной методологии. Основными материалами послужили эмпирические данные двух исследований (2009–2011 гг. и 2017–2018 гг.), посвященных социальным сервисам для пожилых. Первое исследование было проведено в Санкт-Петербурге, второе в 5 городах/регионах: Санкт-Петербург, Нижний Новгород и область, Великий Новгород и область, Республика Карелия, Томск и область. В качестве эмпирических объектов были выбраны государственные социальные сервисы — КЦСОНЫ (комплексные центры социального обслуживания населения) и их аналоги. Интервью были взяты у пожилых клиентов социальных сервисов, руководителей социальных сервисов/подразделений, социальных работников. Представленные в исследовании регионы репрезентируют разные типы поселений и это позволяет сконструировать целостное представление о современном состоянии социального обслуживания. Санкт-Петербург — город федерального значения, Нижний Новгород — город-миллионник, Великий Новгород и Петрозаводск — города с населением около 300 тыс. жителей, Томск — 570 тыс. человек, в котором проживает половина населения Томской области. Райцентры представлены в интервью Новгородской и Нижегородской области. В выборке представлены и сельские поселения, которые представляют отдельный интерес, поскольку там отсутствует характерная для города инфраструктура. Помимо интервью для анализа мы использовали данные статистики, нормативно-правовые акты, а также публикации других исследователей.

Мы рассматриваем агентов заботы сквозь призму уже ставшей классической типологией заботы А. Хохшильд (Hochschild 2003).

Семья в данном случае выступает примером «традиционной» заботы (осуществляется в рамках семьи, основной поставщик заботы — женщина). Социальные сервисы и НКО/бизнес-организации как отражение «постсовременной»/«современной холодной заботы» (забота о детях и пожилых осуществляется государственными/частными институтами). В случае «слоеной»/комбинированной заботы мы имеем дело с «современной теплой заботой» (часть заботы на институтах, часть — на мужчинах и женщинах, членах одной семьи). В настоящее время проблемы пожилых решаются с использованием различных ресурсов: в заботу включены разные институты — семья, рыночные ресурсы, социальное государство и общественные организации; осуществляется так называемый «микс» социальной заботы (Григорьева 2005). Вместе с тем государство выступает, с одной стороны, институтом социальной заботы, с другой — регулятором взаимодействия других акторов заботы. Именно широко развертывающиеся социальные взаимодействия порождают сеть социальных отношений, организованную и интегрированную благодаря наличию общей ценностной ориентации. В рамках нашего исследования взаимодействие агентов и получателей заботы формируется посредством обмена ожиданиями, мотивами, ресурсами, тем самым конструируя устойчивые модели поведения всех акторов, в том числе и государства (Хабермас 1993).

Агенты заботы: противоречия и точки роста

В ходе исследования мы выделили три ключевых агента заботы о пожилым человеке. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Семья

Организация заботы в семье либо силами семьи зависит от формата проживания разных поколений семьи. Забота силами членов семьи возможна либо при совместном проживании с пожилым человеком в одной квартире/доме, либо в том случае, когда родственники проживают неподалеку и способны совершать регулярные визиты. К сожалению, не существует статистики, которая позволяла бы оценить масштаб распространенности внутрисемейной заботы о пожилых. Такой вид заботы уместно рассматривать в категориях «неоплачиваемого труда» (Klijn, Kremer 1997) и воплощения «постсовременной»/«теплой заботы» (Hochschild 2003). На практике исследователи фиксируют синдром «сэндвич-поколения» — сложности в совмещении профессиональной

деятельности и практик заботы о детях с заботой о пожилых родителях, а также эмоциональное и физическое выгорание (Ткач 2015; Здравомыслова 2016). Ключевой вопрос/конфликт, который возникает при реализации семейного сценария заботы, на наш взгляд, следующий: забота в семье/силами близких: добровольный выбор обеих сторон или вынужденная мера?

В крупных городах заботящиеся члены семьи имеют возможность разделить заботу с государственными сервисами. Новой тенденцией является развитие государством института приемных семей. Поддержка этой инициативы, с одной стороны, помогает государству снизить обязательства по содержанию пожилых людей в стационарах, а с другой — развивать «теплую» форму заботы. Приемная семья выступает поставщиком заботы, а пожилой человек — ее получателем. «Социальное обслуживание» в приемной семье направлено на максимальное продление пребывания человека в привычной для него социальной среде в целях поддержания его социального статуса (Долгова 2013). Исследователи подчеркивают наибольшее распространение данной технологии в сельской местности и малозаселенных территориях (Долгова 2013; Бутуева 2015; Голубева и др. 2017). Проживание в приемной семье улучшает эмоциональный фон пожилого человека (Голубева и др. 2017). Однако существует и ряд структурных сложностей — например, отсутствие службы сопровождения таких семей. Кроме того, реализовать подобную практику легче в сельской местности, когда пожилой человек знаком с потенциальной «приемной семьей» (Долгова 2013).

Государственные социальные сервисы

Оформленные в виде КЦСОНов (ЦСОНов) — комплексных центров социального обслуживания населения, данные сервисы являются крупнейшим поставщиком социальных услуг для пожилых. Надомное обслуживание — одна из самых массовых сфер социального обслуживания — 1,2 млн клиентов в сравнении с 250 тыс., проживающими в стационарных домах престарелых (Росстат... 2018). Отличительной особенностью сервисов является малодоступность в сельской местности. Клиентами государственных сервисов являются, как правило, одиноко проживающие пожилые люди. По мере ослабления здоровья, одиноко проживающий пожилой человек обращается в социальный сервис, который ему рекомендует, как правило, врач (терапевт), соседи/знакомые или родственники. Встречаются ситуации, когда пожилой человек проживает в семье и при этом получает социальное

обслуживание в социальном сервисе. Недавние трансформации, произошедшие после вступления в силу 442-ФЗ о социальном обслуживании, привели к сокращению отделений специализированного медицинского обслуживания и ставок медицинских сестер. Новые правила обслуживания (повышение стоимости, лимитированность услуг и т. п.) привели к росту недовольства клиентов и социальных работников и напряженности в их отношениях (Парфенова 2018). В последние годы государственные сервисы активно привлекают волонтеров и сторонние организации для помощи в заботе о пожилых. Это позволяет расширить репертуар практик заботы. Например, волонтеров привлекают для сезонных генеральных уборок в квартире, мытья окон, в сельской местности — для возделывания огородов и др.

Проблемой данной модели заботы является то, что стремление и желание пожилого человека оставаться субъектом в вопросах заботы о себе наталкивается на ригидную и забюрократизированную систему социальных сервисов. В рамках этой системы пожилой клиент обезличен — ему положено, например, столько-то раз в полугодие принести лекарства и за строго отведенное количество минут протереть пол и вынести мусор. В этом случае практически не учитываются индивидуальные потребности/особенности клиента и на практике это создает неудобства и порождает конфликты с обеих сторон. Поскольку непосредственным поставщиком услуг (агентом заботы) в данном случае выступает социальный работник, становится очень важным — как сложатся отношения между ним и пожилым клиентом. Это влияет на возможность и желание сторон договариваться и лавировать в вопросах организации заботы. Сокращение числа социальных работников и, как следствие, увеличение нагрузки на них и перераспределение клиентов также усилили рост напряженности:

И.: Сами клиенты как относились к тому, что их обслуживал, может быть, один, а им пришлось перейти к другому?

Р.: Вы знаете, это всегда очень болезненно происходит, очень болезненно. Как правило, люди привыкают к своим социальным работникам, они их обслуживают годами, поэтому всегда замена и все эти изменения, естественно, соработники с клиентами делятся, это достаточно травматично для них, да, достаточно травматично. (*Интервью с заведующей отделения социально-медицинского обслуживания на дому, Санкт-Петербург, 2017*).

Перспективным представляется возможность совмещать этот формат заботы с семейной заботой.

НКО/бизнес-организации

Альтернативой государственным сервисам становятся активно возникающие и развивающиеся в последние несколько лет НКО/бизнес-организации. Барьером для использования их в качестве поставщиков заботы зачастую являются высокая стоимость обслуживания, недоступность в малых населенных пунктах и неинформированность пожилых людей о подобных формах.

Новая тенденция, получившая развитие после принятия 442-ФЗ — НКО/бизнес-организации, входящие в реестр поставщиков государственных услуг. Они предлагают доступные цены за обслуживание, но это актуально преимущественно для крупных городов. В нашей выборке наиболее отчетливо эта тенденция представлена в Санкт-Петербурге. На сегодняшний день в Санкт-Петербурге согласно Реестру поставщиков социальных услуг из 139 поставщиков социальных услуг 38 — негосударственные (29 — социально-ориентированные НКО и 9 — бизнес-организации). В Ленинградской области при меньшей численности населения ситуация лучше — из 78 поставщиков, включенных в Реестр, — 38 негосударственные. Это связано с тем, что здесь нет барьера на вход — для организаций отсутствует требование к минимальному стажу в 5 лет на рынке социальных услуг. Часть этих НКО/бизнес-организаций занимается в том числе обслуживанием пожилых граждан в стационарной или нестационарной (надомной) форме. Более широкому распространению данного формата препятствует, с одной стороны, ограниченное количество игроков в данном поле, а с другой — низкая информированность пожилых людей и их родственников о подобных альтернативах.

За проблемой низкой информированности скрывается конфликт интересов — социальные сервисы обязали информировать клиентов об альтернативных формах у конкурентов. В ходе исследования отчетливо высветилась и проблема недоверия пожилых людей к альтернативам государственным формам. Хорошо эту проблему иллюстрирует выдержка из интервью с представителем государственного сервиса:

«Я взяла распечатку с нашими поставщиками некоммерческих структур, вышла в адрес. Ну, и рассказываю ей эту систему. Оплата та же самая, сколько хотите — значит, выберете. Больше — значит, больше, надо меньше — значит, меньше. Вы знаете, меня вот потрясает наша... даже, может, не потрясает, я, наверное, убеждаюсь в сотый раз, что вот это поколение стариков, да, они настолько верят нашему государству... Мне кажется,

даже в ущерб себе иногда. <...>. Когда звучит слово “коммерческое”, для них это что-то чужое, инородное, меня обманут. И клиент <...> говорит: “Нет, я верю только государству, я буду только с вами”. <...> Ожидания вот эти, патерналистские, что государство их защитит, не обманет, они велики настолько, что пока еще это поколение <...>. То есть степень доверия государству высока настолько, что пока они с нами. *(Интервью с заведующей отделения социально-медицинского обслуживания на дому, Санкт-Петербург, 2017).*

Это недоверие подкрепляется публикациями в СМИ о мошеннических схемах по отъему квартир у пожилых. При этом сами представители государственных сервисов воспринимают НКО/бизнес-организации как потенциально очень сильных конкурентов, которые имеют более гибкие условия работы и государственные субсидии.

Заключение и дискуссия

На практике организация заботы о пожилым человеке часто носит «слоеный» характер. Агенты вполне могут дополнять друг друга — часть заботы берут на себя члены семьи, часть — социальные сервисы или НКО/бизнес-организации. Ограниченные возможности выбора форматов заботы в малых населенных пунктах порождают вопрос — приводят ли такие ограничения к развитию неформальных контрактов с соседями/знакомыми для организации заботы о пожилым человеке? Проблемным вопросом, на наш взгляд, является и то, насколько сам пожилой человек может проявлять свою агентность (agency) (Giddens 1979) в вопросах организации заботы о себе? Находясь под «покровительством» семьи, социальных сервисов или НКО, насколько гибко и полноценно можно участвовать в процессе организации заботы и влиять на него? Очевидно, это зависит от многих факторов и на практике можно обнаружить различные варианты. Со своей стороны мы можем отметить, что самостоятельное проживание (вне семьи и вне стационарного учреждения) и относительно мобильное состояние здоровья повышают уровень «агентности» пожилого человека.

Помимо рассмотренных агентов заботы — семьи, государственных сервисов и НКО/бизнес-организаций появляются новые альтернативы для организации нестационарной заботы. К таким альтернативам относятся «социальные дома» вместо «домов престарелых» — специально оборудованные для проживания маломобильных пожилых людей дома, часто имеющие круглосуточную диспетчерскую службу и медицинского работника. Проект получил развитие в крупных городах,

в том числе в Санкт-Петербурге. Другой альтернативой в организации заботы о пожилых являются так называемые «приемные семьи» для пожилых. Еще одним новым направлением в организации заботы о пожилых выступает Система долговременного ухода (СДУ), которая реализуется пока что в нескольких пилотных регионах. Данная система подразумевает работу социальных служб в тесном взаимодействии с медиками. Если сравнить современное состояние социальной заботы в России с ближайшими к нам европейскими странами, то стоит отметить, что все эти новые альтернативы согласуются с тенденциями «де-институционализации» заботы в скандинавских странах — замена домов престарелых на home-care service и создание домов со специально оборудованными квартирами (Anttonen, Karsio 2016). Введение/повышение платы за обслуживание и развитие рыночных форм заботы (частные дома престарелых, сиделки и др.) в свою очередь согласуется с «маркетизацией» заботы, которая также наблюдается в скандинавских странах (Moberg 2017). Отечественные исследователи отмечают изменения в современном российском межпоколенном контракте с позиции молодого поколения (например, ослабление стереотипа «женщина должна заботиться о старших родственниках»). Однако они также фиксируют высокую роль традиционных установок (чувство долга, отрицание домов престарелых), резюмируя, что контракт меняется, но не «переписывается» (Бурмыкина 2017: 157). Развитие государственных сервисов и включение в поле заботы НКО и бизнеса, появление и развитие новых альтернатив способны стимулировать изменения в «традиционном» межпоколенном контракте, в котором ключевым агентом заботы выступает семья. На современном этапе у пожилого человека и его родственников появляется возможность выбирать формат заботы, «миксовать» разных агентов и практики.

Источники

Бурмыкина О. Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // Петербургская социология сегодня. 2017. № 8. С. 150–159.

Бутуева З. А. Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество 2015. № 5. С. 96–100.

Голубева Е. Ю., Хабарова Л. Г., Соловьев А. Г. Приемная семья как новая технология ухода в политике активного старения в отдаленных северных территориях // Экология человека. 2017. № 11. С. 42–46.

Григорьева И. А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 8(3). С. 131–135.

Долгова Т. М. Особенности развития приемной семьи для граждан пожилого возраста в Республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 110–114.

Елисеева И. и др. Изучение взаимодействия домашних хозяйств прямых родственников разных поколений: методологические аспекты // Петербургская социология сегодня. 2017. №. 8. С. 179–186.

Здравомыслова Е. «Сэндвич-синдром». Внутрисемейная забота о пожилых [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. 2016. URL: <http://blog.dp.ru/post/8574/> (дата обращения: 05.05.2019).

Парфенова О. А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, №. 2. С. 165–186.

Росстат. Женщины и мужчины России: Статистический сборник. М.: Росстат, 2016.

Росстат. Старшее поколение [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 05.05.2019).

Ткач О. «Заботливый дом»: уход за пожилыми родственниками и проблемы совместного проживания // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 94–102.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: антология. 1993. № 2. С. 353–372.

Anttonen A., Karsio O. Eldercare service redesign in Finland: deinstitutionalization of long-term care // Journal of Social Service Research. 2016. Т. 42, №. 2. P. 151–166.

Bettio F., Plantenga J. Comparing Care Regimes in Europe // Feminist Economics. 2004. Vol. 10, № 1. P. 85–113.

Giddens A. Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Basingstoke, 1979.

Global AgeWatch Index [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation> (access date: 05.05.2019).

Hochschild A. R. The commercialization of intimate life: Notes from home and work. Berkeley: Univ. of California Press, 2003.

Knijn T., Kremer M. Gender and the caring dimension of welfare states: toward inclusive citizenship // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 1997. Vol. 4, No. 3. P. 328–361.

Moberg L. Marketisation of Nordic Eldercare — Is the Model Still Universal? // Journal of Social Policy. 2017. No. 46(3). P. 603–621. DOI: 10.1017/S0047279416000830.

Szebehely M., Meagher G. Nordic eldercare-weak universalism becoming weaker? // Journal of European Social Policy. 2018. No. 28(3). P. 294–308.

References

Anttonen A., Karsio O. Eldercare service redesign in Finland: deinstitutionalization of long-term care. *Journal of Social Service Research*, 2016, vol. 42, no. 2, pp. 151–166.

Bettio F., Plantenga J. Comparing Care Regimes in Europe. *Feminist Economics*, 2004, vol. 10, no 1, pp. 85–113.

Burmykina O. N. Mezhpokolennyi semeinyi kontrakt: predstavleniya molodogo pokoleniya [Intergenerational family contract: the views of young generation]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [*St. Petersburg Sociology Today*], 2017, no. 8, pp. 150–159. (In Russian)

Butueva Z. A. Razvitiye semeinykh form sotsial'nogo obsluzhivaniya lyudey starshego vozrasta [Development of family forms of social services for older people]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo* [*Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society*], 2015, no. 5, pp. 96–100. (In Russian)

Dolgova T. M. Osobennosti razvitiya priemnoy sem'i dlya grazhdan pozhilogo vozrasta v respublike Buryatiya [Features of the development of a foster family for senior citizens in the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Buryat State University*], 2013, no. 5, pp. 110–114. (In Russian)

Eliseeva I. et al. Izuchenie vzaimodeystviya domashnih hozyaystv pryamykh rodstvennikov raznykh pokoleniy: metodologicheskie aspekty [Interaction of Households of Direct Relatives of Defferent Generations: Methodological Aspect]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [*St. Petersburg Sociology Today*], 2017, no. 8, pp. 179–186. (In Russian)

Giddens A. *Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. London, Basingstoke, 1979.

Global AgeWatch Index. 2015, URL: <https://www.helpage.org/global-agematch/pollupation-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation> (access date: 05.05.2019).

Golubeva E. Yu., Habarova L. G., Solov'ev A. G. Priemnaya sem'ya kak novaya tehnologiya uhoda v politike aktivnogo stareniya v otdalennykh severnykh territoriyah [The adoptive family as a new technology of care in the policy of active aging in the remote northern territories]. *Ekologiya cheloveka* [*Human Ecology*], 2017, no. 11, pp. 42–46. (In Russian)

Grigor'eva I. A. Prioritety sotsial'noy politiki: pozhilye lyudi [Priorities of social policy: the elderly]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [*Journal of Sociology and Social Anthropology*], 2005, no. 8(3), pp. 131–135. (In Russian)

Habermas Yu. Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [The relationship between the system and the life world in the conditions of late capitalism]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya* [*Theoretical Sociology: An Anthology*], 1993, no. 2, pp. 353–372. (In Russian)

Hochschild A. R. *The commercialization of intimate life: Notes from home and work*. Berkeley, Univ. of California Press, 2003.

Knijn T., Kremer M. Gender and the caring dimension of welfare states: toward inclusive citizenship. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 1997, vol. 4, no. 3. P. 328–361.

Moberg L. Marketisation of Nordic Eldercare — Is the Model Still Universal? *Journal of Social Policy*, 2017, no. 46(3), pp. 603–621. DOI: 10.1017/S0047279416000830.

Parfenova O. A. Transformatsiya sotsial'nogo obsluzhivaniya pozhilykh v regional'nom kontekste sovremennoy Rossii [Transformation of social services for the elderly in the regional context of modern Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [*The Journal of Sociology and Social Anthropology*], 2018, vol. 21, no. 2, pp. 165–186. (In Russian)

Rosstat. Starshee pokolenie [The older generation]. 2018, URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Rosstat. Zhenshchiny i muzhchiny Rossii: Statisticheskiy sbornik [Women and Men of Russia 2016, Statistical compilation]. Moscow, Rosstat, 2016. (In Russian)

Szebehely M., Meagher G. Nordic eldercare-weak universalism becoming weaker? *Journal of European Social Policy*, 2018, no. 28 (3), pp. 294–308.

Tkach O. “Zabotlivyy dom”: uhod za pozhilymi rodstvennikami i problemy sovместного prozhivaniya [“A Careful Home”: Care for Elderly Relatives and Problems of Living Together]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 10, pp. 94–102 (In Russian).

Zdravomyslova E. “Sendvich-sindrom”. Vnutrisemeynaya zabota o pozhilых [“Sandwich syndrome”. Family care for the elderly]. *Delovoy Peterburg* [Business Petersburg], 2016, URL: <http://blog.dp.ru/post/8574/> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Парфенова Оксана Анатольевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Parfenova Oksana A., Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.

Oksana.parfenova@gmail.com